

А.Е. РОГОЖИНСКИЙ

**ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛУЗАБЫТОЙ НАХОДКИ И ОПЫТ
ОРГАНИЗАЦИИ ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
СЕМИРЕЧЬЯ В КОНЦЕ XIX В.
(ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)**

Первые отрывочные сведения о древностях Семиречья стали появляться уже в середине XIX в. с вхождением Юго-Восточного Казахстана в состав Российской империи и началом хозяйственного освоения новых территорий. Однако до 1880-х гг. археологические памятники Семиречья оставались малоизвестными не только научному сообществу, но и населению края. Памятники средневековья и древних эпох оказывались за пределами исторической народной памяти; случайно обнаруживаемые предметы старины представляли научную ценность лишь для ограниченного круга местной просвещенной общественности; для большинства же населения интерес к диковинкам чаще всего не выходил за рамки обычательского любопытства.¹ Администрацией области предпринимались попытки орга-

низовать сбор сведений о древних памятниках, но научное их изучение еще только начиналось.

Первооткрывателями древностей чаще становились не профессиональные археологи, редко посещавшие эту удаленную окраину империи, а ученые-естественноиспытатели, которые в своих путешествиях неизбежно становились энциклопедистами, одновременно уделяя внимание и памятникам археологии.² Так, известным геоботаником А. Н. Красновым, совершившим в 1886 г. по заданию Русского географического общества рекогносцировочную поездку через Чу-Илийские горы к Балхашу, впервые обнаружены каменные изваяния и петроглифы Ойжайляу в долине Узунсу, научное описание которых открывает историю археологического изучения Западного Семиречья.³ Но основная заслуга в деле открытия и

¹ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 375. Л. 78; *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Алматы, 2007. С. 368.

² *Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент, 1958. С. 13.

³ Письма г. Краснова // Известия ИРГО. Т. 22. 1886. С. 351; *Краснов А. Н.* Очерки быта семиреченских киргиз / / Известия ИРГО. Т. 23. 1887. С. 472–473.

ознакомления с памятниками Семиречья научной общественности, несомненно, принадлежит военным и гражданским чинам тогдашней колониальной администрации, образованность, энтузиазм и любознательность которых содействовали сбору сведений о древностях края и сохранению их для будущих исследований.

Большое значение имел личностный фактор в развитии научного интереса к древней истории Семиречья, в формировании уважительного отношения населения к культурному достоянию. Пример дальновидного отношения к местным памятникам культуры подавали руководители тогдашней администрации, среди которых особенно выделяется фигура генерала от инfanterии Г. А. Колпаковского (1819–1896); его многогранная деятельность охватывала и «просвещенное содействие» в области изучения и сохранения археологических памятников. К личным достоинствам Г. А. Колпаковского, получившего домашнее образование, относится искреннее уважение к высокой образованности и природным дарованиям окружавших его людей независимо от их служебного положения, социального или национального происхождения. Как военный губернатор Семиреченской области, а затем – степной генерал-губернатор, он всемерно поощрял внеслужебные научные занятия своих подчиненных, стремился привить уважительное отношение к памятникам старины среди переселенцев и коренных народов края. Хорошо известны взаимное искреннее уважение и дружеские отношения, связывавшие многие годы Г. А. Колпаковского с талантливым казахским ученым Ч. Ч. Валихановым, безвременно ушедшим из жизни в 1865 г. В увековечение памяти Чокана в 1881 г. хлопотами туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана и Г. А. Колпаковского на могиле ученого в Капальском уезде была установлена мраморная плита с эпитафией на двух языках.

В административных учреждениях Семиреченской области в 1870–1880-е гг. служило немало высокообразованных людей, имена которых стали известными, в первую очередь, благодаря их внеслужебной научной деятельности. Н. А. Аристов (род. 1847) – закончил юридический факультет Казанского университета, вице-губернатор и председатель Семиреченского областного прав-

ления в 1881–1888 гг., впоследствии видный историк-востоковед, автор фундаментальных трудов по исторической географии Западного Тянь-Шаня и этнической истории казахов, кыргызов и других народов края. Н. Н. Пантусов (1849?1909) – выпускник Петербургского университета, закончивший с золотой медалью факультет восточных языков, с 1872 г. успешно проходил службу в Туркестанском генерал-губернаторстве, в 1883 г. после семи лет службы на ответственном посту заведующего канцелярией по делам Кульджинского района назначен старшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области; востоковед, археолог, собиратель казахского и уйгурского фольклора. Дружеское покровительство Н. Н. Пантусову в его занятиях археологией неизменно оказывал Г. А. Колпаковский. Весомый вклад в открытие и изучение памятников Прииссыккулья и Чуйской долины внесли также Ф. В. Поярков, врач Пишпекского военного госпиталя, и А. М. Фетисов, ученый-садовод и заведующий Пишпекским казенным садом.

Среди немногочисленной семиреченской интеллигенции были любители древностей, для которых бескорыстное желание содействовать по мере сил успехам археологии, науке и просвещению связывалось с чувством гражданского долга, служения Отечеству, и независимо от рода служебных занятий, они активно участвовали в исследовании новых земель. Так, часть открытия средневековых христианских захоронений близ Пишпека (совр. г. Бишкек) принадлежит топографу Межевого отделения Семиреченского областного правления В. А. Андрееву,⁴ а его коллеге и знаменитому верненскому художнику Н. Г. Хлудову – часть первого исследования уникальной высокогорной галереи наскальных рисунков Саймалы-Таш в Ферганском хребте.⁵

С неменьшим энтузиазмом археологические открытия совершались людьми других сословий. Например, сведения о местонахождении наскальных рисунков и надписей в ущелье Теректы близ поселка Джанғыз-Ағач (Жалғызагаш) в Копальском уезде были получены администрацией области из заявления семиреченских казаков Д. Кашкарова и М. Хмылева от 18 июня 1886 г.⁶ На

⁴ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 72 и об.

⁵ Хлудов Н.Г. Перевал «Саймалы-Таш», на котором найдены камни с надписями // ПТКЛА. Год 7. Ташкент. 1902. С. 40–43.

⁶ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 224.

документе имеется резолюция военного губернатора А. Я. Фриде: «Сообщить это заявление Н. Н. Пантусову, которого прошу (принять меры)* к сохранению этих памятников до снятия их фотографически или до распоряжения Археологической комиссии». В последовавшей переписке казакам было поручено сделать зарисовки надписей и рисунков Теректы, которые вместе с другими сведениями о памятниках Семиречья затем препровождены Н. Н. Пантусовым в Петербург. Лично посетить ущелье Теректы, чтобы обследовать наскальные рисунки и ойратские надписи, ему удалось лишь в 1899 г.⁷

Таким образом, в последней четверти XIX в. наряду со служащими различных государственных учреждений активное участие в выявлении и регистрации памятников археологии принимало население Семиреченской области, в чем видится результат особой целенаправленной деятельности администрации края. К сожалению, своеобразный опыт организации в дореволюционном Семиречье управления и охраны памятников почти не изучен и лишь теперь становится известным, благодаря выявленным новым архивным материалам и анализу источников.

Следует помнить, что вторая половина XIX столетия была временем становления российской археологической науки и одновременно, в эпоху «великих реформ», — создания государственной службы изучения и охраны памятников. Указом Александра II от 2 февраля 1859 г. при Министерстве императорского двора была учреждена Императорская Археологическая комиссия, до 1917 г. выполнявшая роль главного государственного учреждения, организовывавшего научные археологические исследования и «разыскание предметов древности, относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией»; комиссии принадлежало право выдачи специальных разрешений (открытых листов) на производство раскопок⁸. С 1889 г. функции и полномочия комиссии расширились за счет получения исключительного права проведения археологических раскопок на казенных и общественных землях, контроля земляных работ при строитель-

стве дорог, а также наблюдения за реставрацией памятников архитектуры. Одной из важных задач комиссии являлась охрана памятников от ненаучных, «хищнических» раскопок некомпетентными дилетантами и кладоискателями.

Постоянный штат комиссии был невелик, но привлечение к сотрудничеству сверхштатных специалистов и членов-корреспондентов, профессиональная подготовка которых представлялась достаточной для выполнения на местах самостоятельных раскопок, давало возможность организовывать археологические исследования на всей территории огромной империи. Немаловажной задачей Археологической комиссии было также приобретение у частных лиц случайно найденных древних предметов, которые по специальному изучению и оценке значимости поступали в дальнейшем на хранение в центральные государственные музеи — Императорский Эрмитаж, Исторический музей и др. или возвращались находчику. Опираясь на циркулярные распоряжения МВД, устав Археологической комиссии, иные нормативные документы, председатель комиссии вел переписку с местными органами власти по делам проведения научных исследований и сохранения памятников на подведомственных им территориях, об оказании содействия в сборе необходимых сведений о находках, приобретении и доставке их в Петербург и т. п. Результаты полевых исследований, а также сведения о поступлении коллекций и случайных находок публиковались в ежегодных изданиях «Отчетов Императорской Археологической комиссии».

Наряду с государственным полномочным учреждением, каковым являлась Археологическая комиссия, во второй половине XIX века в России действовали общественные научные организации, такие как Русское археологическое общество (образовано в 1846 г.), Московское археологическое общество (образовано в 1864 г.) и др. В Ташкенте 11 декабря 1895 г. состоялось учредительное заседание Туркестанского кружка любителей археологии, сыгравшего заметную роль в изучении, популяризации и сохранении памятников древней культуры Средней Азии и юга Казахстана.

* Слова «принять меры» зачеркнуты, вместо них неразборчиво вписаны два слова.

⁷ Пантусов Н.Н. Ущелье Теректы и р. Коксу близ выселка Джантыз-Агача Капальского уезда // ПТКЛА. Вып. V. Ташкент, 1900. С. 26–28.

⁸ Длужневская Г. В. Императорская Археологическая комиссия — главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917) // Записки Института материальной культуры РАН. СПб., 2006. № 1. С. 112–113; Мусин А.Е. О роли личности в археологии. Императорская Археологическая комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки Института материальной культуры РАН. СПб., 2007. № 2. С. 270–272.

В Семиречье изучение древностей и сложение механизмов управления и охраны памятников про текали в особых условиях, что было связано, в первую очередь, с территориальной удаленностью края от основных научных и культурных центров обширной империи. Когда в 1900 г. вице-председатель Туркестанского кружка любителей археологии Н. П. Остроумов обратился к военному губернатору Семиреченской области М. Е. Ионову с просьбой содействовать созданию «отделения кружка или же самостоятельного археологического общества», ответ, подготовленный Н. Н. Пантусовым, гласил, что «в городе Верном и в уездных городах Семиреченской области едва ли найдется два-три человека, интересующихся археологией и способных заняться этим делом».⁹ Так ли это было на самом деле или в разочаровавшем Н. П. Остроумова ответе есть преувеличение, сказать трудно, но, безусловно, Н. Н. Пантусов дал справедливую оценку общей ситуации в Семиречье в сравнении с туркестанским обществом любителей и знатоков древностей, более многочисленном и тесно связанным с ведущими учеными того времени и научными центрами России.

Все вопросы организации или содействия в проведении научных изысканий, распоряжения случайно найденными в пределах области древностями находились непосредственно в ведении военного губернатора и решались в рамках должностных и территориальных полномочий служащих административного аппарата. Однако в последней четверти XIX в., как выясняется при изучении архивных документов, была предпринята попытка создания в Семиречье специализированной службы охраны памятников на основе использования действовавшего административного аппарата для централизованного управления делами культурного наследия. Инициатором создания и главным звеном этого неформального механизма управления выступил Н. Н. Пантусов, вдохновителем и помощником которого на начальном этапе, вероятно, был Н. А. Аристов; рубежным событием, ставшим поводом для начала их активной организаторской деятельности, явилась случайная находка в 1884 г. так на-

зывающего Большого Семиреченского алтаря. Документы, выявленные автором в 2008–2009 гг. в Центральном государственном архиве Казахстана (Алматы) и Научном архиве ИИМК РАН Санкт-Петербург), позволяют не только установить многие не известные ранее обстоятельства этой уникальной находки, но также определить взаимосвязь последующих событий, нацеленных на создание централизованного управления делами археологии в Семиречье.

Семиреченский алтарь или жертвенник неоднократно привлекал внимание специалистов.¹⁰ Однако до сих пор оставались не известными ни точное место находки, ни условия обнаружения этого массивного изделия весом 11? пудов (184 кг). В распоряжении исследователей об этом имеются лишь неполные сведения, представленные в свое время в Археологическую комиссию администрацией области, затем опубликованные в сводном отчете Комиссии за 1882–1888 гг. и процитированные позже А. С. Стрелковым, который в 1934 г. посвятил Семиреченскому алтарю специальную статью: «В начале восьмидесятых годов прошлого столетия казаком Мало-Алматинского выселка, близ современного города Алма-Ата (б. Верного), в 12 верстах по старой Кульджинской дороге, был найден... «большой буддийский жертвенник из красной меди с рельефными изображениями разных животных».¹¹ Но даже эти скучные сведения первоисточников порой оказываются недоступными для современных исследователей, что приводит к появлению досадных ошибок в солидных энциклопедических изданиях.¹²

Пытаясь определить назначение жертвенника, А. С. Стрелков резонно заключил, что «условия находки не дают никакого материала в силу случайности самой находки и неопытности нашедшего, но главным образом, по причине *необследованности местности* (здесь и далее курсив мой – Р.А.). Сведения о том, что памятник был найден на глубине одного аршина, не могут быть, следовательно, использованы, хотя можно предполагать, исходя из веса, что едва ли само место находки далеко от того, где памятник первона-

⁹ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 433. Л. 333–334 и об.

¹⁰ Стрелков А. С. Большой Семиреченский алтарь // С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882–1932 гг. Сб. статей. Л., 1934. С. 477–493, фиг. 1, 2, табл. 1; Спасская Е.Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии // Ученые записки АГПИ им. Абая. Т. 11. Алма-Ата, 1956. С. 161, 166; Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973. С. 38, илл. 43, 44.

¹¹ Стрелков А. С. Большой Семиреченский алтарь. С. 478–479, 481.

¹² Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 309, № 4282; История Алматы с древнейших времен до современности. Том I. Алматы, 2006. С. 35.

чально стоял». При описании изделия исследователь указал также на ряд дефектов и утрат различного характера: «По борту (ширина 4 см) подноса, из расчета 7 штук на меньшей и 8 штук на большей из сторон, даны совершенно идентичные пластические изображения ступающих в одном направлении крылатых фантастических животных... Если считать от левого угла этой стороны, пронумеровав фигуры борта, то не хватать будет 2-й, 10-й, 16-й, 18-й и 25-й фигур. На месте прикрепления одной из недостающих ножек – рваный пробой». Таким образом, отмечены утраты пяти из тридцати зооморфных фигур, некогда украшавших жертвенник, и двух из четырех его ножек.

Вернемся теперь в Семиречье, в областной город Верный, где летом 1884 г. начиналась история этой примечательной археологической находки. Самый ранний документ, сообщающий об этом, датируется 16 июля и озаглавлен «Описание памятника, открытого казаком Степаном Егориным»; он составлен и подписан младшим чиновником особых поручений, коллежским советником Кочевским, который оказался одним из первых очевидцев находки, засвидетельствовавшим вид и состояние жертвенника. Приведем полностью текст этого важного документа. «Казак Мало-Алматинского выселка Степан Егорин раскапывал небольшой мыс около оврага, прилегающего к его пашне, отстоящей по старой Кульджинской дороге в 10 верстах от выселка и в 40 саженях от дороги, отрыл на глубине 1 аршина от поверхности земли памятник древнего искусства в виде четырехугольного стола, употребляемого азиатскими народами. Памятник этот весь литой из красной меди; имеет 1 аршин 12 вершков длины, 1 аршин 9 вершков ширины; вся же высота памятника 4½ вершка; поставлен на 4-х ножках, каждая длиною в 3 вершка; ножки имеют вид верблюжьего копыта; на каждой стороне имеется по одной круглой скобе, борт памятника загнут к верху вершка на 1½; на борту вокруг всего памятника поставлено 30 экземпляров однородного зверя, изображенного в виде

льва, грива которых кольцеобразно загнута на спине; вес памятника 11½ пудов. Можно полагать, что памятник этот служил жертвенником при совершении религиозных обрядов каким-нибудь племенем китайского происхождения».¹³ Следует заметить, что первое описание жертвенника, сделанное, очевидно, вскоре после его находки,¹⁴ не содержит никаких указаний на повреждения археологического предмета: на борту все 30 статуэток, «поставлен на четыре ножки».

На документе имеются две резолюции – Н.А. Аристова от 17 июля (неразборчиво) и военного губернатора: «Когда прибудет сюда г-н Хлудов, поручить ему сделать снимок с этого памятника, а затем все представить генерал-губернатору и просить указать, что с этим памятником делать. А. Фриде. 31 июля 1884 г.». Рисунки жертвенника, выполненные Н. Г. Хлудовым или кем-либо другим из верненцев, не известны, зато сохранились фотографии самого предмета, сделанные местным фотографом Ордэном не позднее 31 июля того же года.¹⁵ Именно в этом эпизоде впервые в переписке появляется имя Н. Н. Пантусова, и можно полагать, что инициатива изготовления фотоснимков археологического предмета принадлежала ему. Во всяком случае, из расписки фотографа следует, что «за 6 экземпляров снимка с металлического стола, найденного у Мало-Алматинской станицы»¹⁶ он получил 6 рублей, уплаченные Н. Н. Пантусовым «из собственности»; возврата денег через казначейство надворный советник дождался только через месяц.¹⁷ Уместно заметить, что Н.Н. Пантусов был едва ли не первым исследователем-археологом, который настойчиво пропагандировал и внедрял в практику документирования памятников Семиречья это техническое новшество XIX века – фотоаппарат. Со временем, изведав сполна при раскопках несторианских кладбищ в Чуйской долине тяготу зависимости от прихоти и мастерства наемных фотографов, Н.Н. Пантусов при дружеском содействии В. Г. Тизенгаузена в 1895 г. приобрел собственный фотоаппарат с необходимыми принадлежностями.¹⁸ Но фотография

¹³ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 3.

¹⁴ Точная дата находки не известна, но есть упоминание, что С. Егорин нашел жертвенник «в половине июля» (ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 12 и об.).

¹⁵ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 14; Ф. И-64. Оп. 1. Д. 193. Л. 2.

¹⁶ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 9.

¹⁷ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 8 и об.

¹⁸ Рогожинский А.Е. История изучения и новые исследования культового комплекса Тамгалытас на реке Или (Илийский Капшагай) // Рольnomадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов международной научной конференции. Алматы, 2010. С. 477-478.

Ордэна была, по-видимому, первым опытом применения Н. Н. Пантузовым новой технологии для документирования археологических объектов и имеет особую ценность: на ней Семиреченский алтарь запечатлен во дворе сельского старосты, куда он был доставлен находчиком для временного хранения. Здесь, вероятно, его осмотрел Кочевский (не позднее 16 июля), а Ордэн сделал фотоснимок – не позднее 31 июля.

На фотографии хорошо видна сторона жертвенника, где сегодня отсутствуют две ножки, но здесь обе они еще сохранились; правда, та ножка, на месте которой теперь «рваный прорыв», сильно согнута и «зависает» над землей. На бортике заметны также места отсутствующих пяти зооморфных фигурок. Выявляется расхождение сведений самого раннего описания памятника с действительным состоянием жертвенника, зафиксированным на первой фотографии. Трудно предположить, что Кочевский в своем подробном описании сбился при подсчете «экземпляров однородного зверя» или учел также места утраченных ранее пяти фигурок. Временной интервал между первым осмотром жертвенника и фотографированием предмета составлял несколько дней или даже неделю, в течение которых, очевидно, произошли отмеченные утраты и повреждения.

Вскоре известие о примечательной находке появилось в туркестанской печати,¹⁹ и 13 августа к военному губернатору Семиреченской области обратился телеграммой граф А. С. Уваров (1825–1884), председатель Московского археологического общества: «В газетах напечатано о находке близ Верного медного алтаря, помещенного теперь у сельского старости. Благоволите сообщить старосте, что Московское археологическое общество желает купить этот памятник старины. Сообщите описание и сведения».²⁰ На полях телеграммы есть резолюция губернатора: «Хоз[яйственному] от[делу] проводить прилагаемую фотографию. Деньги дать по весу, которыми придется удовлетворить нашедшего. Если нужно, то просить в то же время разрешения генерал-губернатора Пантусову уплатить деньги из экстраординарных за-

снятие фотографий, а затем, когда будет уплачена за находку, то пополнить ими экстраординарную сумму. 15 августа. А. Фриде». Почти одновременно, 18 августа, за подписью В. Г. Тизенгаузена (1825–1902), исполнявшего на тот момент обязанности председателя Археологической комиссии, поступил запрос «о доставлении этого жертвенника на рассмотрение ее и сообщении Комиссии ближайших обстоятельств, при которых он был найден. Весьма желательно также получить подробные сведения о месте, в котором сделана находка, с описанием городища или курганов, если таковые находятся в этой местности».²¹

Следует заметить, что жертвенник был найден на крестьянском наделе и не мог безоговорочно поступить в распоряжение властей или Археологической комиссии, в специальном «Объявлении» которой разъяснялось: «1) Случайно открытые древности находчик не обязан уступать бесплатно, но если пожелает продать их, то получает соответственное вознаграждение, а именно: не только цену по действительной стоимости золота и серебра или того вещества, из которого они сделаны, но и особую добавочную сумму, сообразную со степенью древности и редкости найденных вещей. 2) Древности, которые находчик пожелает оставить за собою или Комиссия почему-либо не признает нужным приобрести, будут возвращены по принадлежности с оплатою всех расходов по сему случаю».²² Исходя из этих положений, семиреченская администрация немедленно приступила к сбору запрашиваемых сведений.

Казаку С. Егорину, нашедшему жертвенник, сразу было выплачено 10 руб. «из экстраординарной суммы военного губернатора в возмещение расходов по перевозке и в счет вознаграждения за находку».²³ Сумма по тем временам немалая (ср. цены на продукты в Верном на июнь 1892 г.: пуд пшеничной муки – 46 коп., пуд сахара – 8 руб. 40 коп., ведро водки – 9 руб.²⁴), но условия, предлагавшиеся Археологической комиссией, позволяли надеяться на более выгодную сделку. На запрос А. Я. Фриде глава верненской городской управы сообщил, что «среднесправочные

¹⁹ «Туркестанские ведомости». 1884, № 33.

²⁰ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 4.

²¹ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 10.

²² ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 108 и об.

²³ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 2.

²⁴ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 48060. Л. 71 об., 72 об.

цены в настоящем августе месяце на медь и медные изделия существуют: в поделках красная за один фунт – рубль, а старая в ломе за фунт – 13 коп.».²⁵ Следовательно, принимая для расчета цены на медь «в поделках», на рынке Верного за добытый «памятник древнего искусства» Егорин мог выручить 460 (40 фут. х 11,5 пд.) рублей. В последующей переписке об условиях выкупа жертвенника фигурирует именно эта сумма, по-видимому, согласованная с находчиком («придет-ся удовлетворить»), с которого, в конце концов, по выплате денег не забыли взыскать в казну 16 руб., уплаченные ранее в качестве вознаграждения и за изготовление фотографий из эстраординарных средств военного губернатора.²⁶

Тем временем шла неспешная официальная переписка, в которой обе претендующие на Семиреченский алтарь стороны – Московское археологическое общество и Археологическая комиссия – были снабжены фотоснимками предмета, краткими сведениями о месте и обстоятельствах его находки, а также о размере вознаграждения, требующегося для удовлетворения находчика. Доставка в Москву или Петербург громоздкого, негабаритного предмета обычной почтой оказалась невозможной, а оплата для этой цели услуг верненского агентства «Российского общества страхования и транспортирования кладей» бюджетом области не предусматривалась. Обе заинтересованные стороны выразили готовность выплатить требуемую сумму по получении предмета, принимая на себя также оплату расходов по транспортировке. Теперь Семиреченская администрация оказалась в сложном положении и избрала выжидательную тактику, склоняясь при этом на сторону Археологической комиссии, как уполномоченного государственного учреждения.

Отношением от 22 сентября А. Я. Фриде известил Комиссию о ведущейся переписке с Московским археологическим обществом и сообщил свою позицию: «Если Археологическая комиссия не потребует доставки означенной находки, то покорнейше прошу меня уведомить: может ли она быть отправлена в Московское археологическое общество, если последнее пожелает».²⁷ Ответа на главный вопрос не последовало, и 24 ок-

тября в отзыве на телеграмму А. С. Уварова, подтвердившего желание общества приобрести алтарь на выдвинутых условиях, вице-губернатор Н. А. Аристов обстоятельно изложил суть переговоров с Петербургом. Далее, со ссылкой на циркулярные распоряжения «о непременном доставлении на рассмотрение Императорской Археологической комиссии всех находимых предметов древности», Н. А. Аристов так сформулировал вежливый отказ: «Если Археологическая комиссия уступит находку Археологическому обществу, то по получении от первой согласия на уступку, а от последней денег на высылку находки – таковая отправлена будет немедленно».²⁸ Своего рода извинением за вынужденный отказ служили два приложенных документа: подробное описание алтаря, составленное Кочевским, и – копия доносения атамана Алматинской станицы *об обследовании места находки!* На этом переписка по поводу Семиреченского алтаря с Московским археологическим обществом прервалась, а вскоре, 29 декабря 1884 г., последовала смерть его председателя. По странному совпадению этой же датой помечено отношение Археологической комиссии, извещающее о переводе денег, причитающихся находчику, что и определило адрес доставки предмета.²⁹

Последние документы, фиксирующие нахождение Семиреченского алтаря в г. Верном, датируются 4 и 17 января 1885 г. Первый из них – расписка управляющего конторой Российского общества страхования и транспортировки кладей о приемке «древнего жертвенника для доставления в С.-Петербург в здание Императорского Эрмитажа в адрес Археологической комиссии»,³⁰ второй документ – копия квитанции той же конторы, регистрирующая акт приемки багажа для транспортировки.³¹ Оба действия служащих конторы отделяют, по-видимому, празднование Рождества. В квитанции отмечено, что «при приемке не оказалось пяти статуэток».

Итак, длившаяся шесть месяцев переписка закончилась отправкой ценной археологической находки в Петербург. В течение всего этого времени, до 4 января 1885 г., Семиреченский алтарь оставался без должного надзора в доме сельско-

²⁵ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 6.

²⁶ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 33 и об.

²⁷ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 13 и об.

²⁸ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 20–21 об.

²⁹ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 31.

³⁰ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 27 об.

³¹ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 29 и об.

го старосты в Малой Алматинской станице. Несомненно, зафиксированные уже на первой фотографии повреждения, а затем утрата двух ножек есть следствие «хищнической» деятельности самого находчика или его односельчан. Утверждать это дает основание еще один любопытный документ.

В разгар переговоров с Москвой и Петербургом, 12 сентября, Н. А. Аристов направил верненскому уездному начальнику запрос о сообщении «ближайших обстоятельств, при которых вырыт близь города Верного древний жертвенник, а также подробных сведений о месте, в котором сделана находка».³² На полях документа резолюция: «Вызвать казака Степана Егорина и подробно его опросить». Подробности «опроса» не известны, но 15 октября в Семиреченское областное правление поступил ответ: «Настоящее предписание с описанием местности, где был найден жертвенник казаком Егориным и одну статую с жертвенника, из меди, имею честь представить».³³ Комментарии излишни; обошлись без них в переписке с Археологической комиссией и верненские деятели, скрывая свое нерадивое отношение к уникальному памятнику.

Описание местности, где был найден Семиреченский алтарь, составлено 2 октября 1884 г. атаманом Большой Алматинской станицы, проводившим по поручению уездного начальника специальный осмотр. «Настоящую переписку представляя г-ну начальнику Верненского уезда, имею честь донести его высокоблагородию, что по осмотру моему пашни и места, где был найден древний жертвенник казаком Мало-Алматинского выселка Степаном Егориным, и самого бугорка, в котором найден жертвенник, находится в нижеследующем описании.

Самый бугорок, в котором найден жертвенник, был в вышину не более как на полтора аршина, в ширину на две с половиной сажени в обе стороны. Бугорок этот раскопан Егориным для пригона в ширину и длину на 8 аршин, а вглубь два аршина, т. е. на $\frac{1}{2}$ аршина глубже подошвы бугра. От этого бугор[ка] сажени в полторы с левой стороны, считая от гор, и несколько повыше пошли сливные³⁴ небольшие бугры, 8 штук, в виде гривы. Все они расположены ду-

гообразно, один около другого, и в одном из крайних, откуда начинаются бугры, сажен пять снизу до бугорка, в котором найден жертвенник. Все они расположены в окружности на пространстве 30 сажен. Между буграми этими внутри и сбоку нижней стороны значительные ложбинки; кроме этого около этих ложбин и бугорков вблизи есть еще небольшие бугры и ямины и, по-видимому, можно полагать, что на местности этой в древнее время было небольшое жилище, так как грунт земли глинистый и сухой».³⁵ Как ни скучен язык описания, этот документ является единственным источником, позволяющим представить условия нахождения Семиреченского алтаря. Остается добавить, что копия его была выслана Н. А. Аристовым только в Москву, поэтому в отчете Археологической комиссии отражены лишь краткие расспросные сведения об условиях находки, сообщенные семиреченской администрацией в Петербург до проведения специального обследования местности.

На этом история с Семиреченским алтарем, казалось бы, закончилась, и ничто не давало повода для возвращения к ней, но неожиданно 31 марта 1885 г. военный губернатор А. Я. Фриде обращается к председателю Археологической комиссии А. А. Васильчикову письмом следующего содержания. «Иногда представляется возможность через посредство частных лиц или уездных властей неофициальным путем приобрести интересные в археологическом отношении предметы по дешевым ценам. Способ частной покупки является, таким образом, гораздо выгодней, чем официальный, почему для обществ и учреждений, интересующихся предметами древности, надлежало бы, на мой взгляд, иметь частных комиссionеров, которые на отпускаемые учеными обществами авансы приобретали бы весьма сходно, без особой с властями переписки и проволочки времени, редкие предметы древности. На идею эту навел меня случай находки у г. Верный медного жертвенного стола,* который нашедший казак тогда же с радостью уступил бы рублей за 30-40, ныне же, по возбужденной об этом переписке и направлении дела официальным путем, с оценкою материала и проч., жертвенник сей обошелся в 460 руб. Если Комиссии

³² ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 16.

³³ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 15.

³⁴ По В. И. Далю: *сливные поля* — круглые, под одну межу; *сливной камень* — сплошной, без всякого признака зернистости или слойки (Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1991. С. 220).

³⁵ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 17–18.

* Отправлен сей жертвенник в Комиссию при отношении от 12 февраля 1885 г. за № 7074 (примеч. в документе).

благоугодно учредить здесь корреспондента или агента для приобретения всякого рода предметов археологического значения, то я могу рекомендовать таковое лицо, которому необходимо будет выслать аванс на расходы по покупке».³⁶

Скоро получен заинтересованный ответ исправляющего должность председателя В. Г. Тизенгаузена: «Принося вам искреннейшую благодарность за такое разумное отношение к интересам Археологической Комиссии, последняя считает долгом воспользоваться вашим сообщением и обратиться к вам с покорнейшею просьбой об указании ей того лица, которому вы полагаете возможным поручить приобретение древностей и которому Комиссия в таком случае на первый раз вышлет авансом 100 руб. на расходы по покупке древностей».³⁷ Вслед за этим А. Я. Фриде указывает имя будущего «агента по приобретению древностей, в Семиречье находимых»: «я рекомендую пригласить старшего чиновника особых при мне поручений надворного советника Николая Николаевича Пантусова, кандидата Императорского С.-Петербургского университета и ориенталиста, которому могут быть высыпаны авансы на расходы по покупке древностей, согласно инструкции, сообщенной Комиссией». Так, впервые в официальной корреспонденции семиреченских властей к Археологической комиссии, появляется имя Н. Н. Пантусова, безусловно, стоявшего за спиной А. Я. Фриде и инициировавшего эту переписку.

Уже 27 июля 1885 г. барон В. Г. Тизенгаузен уведомляет военного губернатора о переводе в Верный «авансом надворному советнику Пантусову 100 руб. на покупку тех древностей, которые ему может представиться случай приобрести в нынешнем году во вверенном вам крае. Вместе с тем Комиссия считает долгом обратиться к вам с покорнейшею просьбой как о пересылке ей через посредство канцелярии вашей древностей, имеющих быть приобретенными г-ном Пантусовым, так и об оказании ему вообще в этом деле вашего покровительства и содействия».³⁸ В сентябре 1885 г. Н. Н. Пантусов сообщает о получении первого аванса,³⁹ и в дальнейшем переписка с Археологической комиссией по делам

археологии в Семиречье ведется им уже *самостоятельно*, без посредничества администрации.

Далее, в начале 1886 г. по распоряжению военного губернатора в уездах Семиреченской области «среди жителей оседлых пунктов» распространяется специальное «Объявление» Археологической комиссии, в котором излагаются условия представления в комиссию за вознаграждение случайно найденных древних предметов. При этом А. Я. Фриде информировал уездных начальников: «...прошу оповестить, что агентом Археологической комиссии состоит в Семиречье надворный советник Н. Н. Пантусов, к которому и могут быть адресованы находимые предметы древности для приобретения последних для Археологической комиссии, снабдившей г-на Пантусова авансом».⁴⁰

Следующий важный шаг, закреплявший «сверху» положение Н. Н. Пантусова в роли уполномоченного по делам археологии в Семиречье, сделан в мае того же года в связи с сенсационной находкой христианских средневековых надписей в Чуйской долине. Степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский, покровительствовавший Н. Н. Пантусову, в письме к А. Я. Фриде указывал: «...прошу ваше превосходительство предложить кому-нибудь из лиц, интересующихся археологическими вопросами, например, г-ну Пантусову, взять на себя труд уведомлять Археологическую комиссию, состоящую под председательством графа Бобринского, о найденных экземплярах [надписей], заботиться об их сохранении в г. Верном и исполнять без задержки просьбы Археологической комиссии, касательно, например, снятия фотографических снимков с камней, оттисков или, в случае надобности, отправки самих оригиналов в Санкт-Петербург». Примечательна резолюция А. Я. Фриде на документе: «Прошу Н.Н. Пантусова дождить его превосходительству письмом, что у нас сделано по поводу сбережения памятников и кто [агентом?]»,^{*} свидетельствующая, пожалуй, о наметившемся фактическом разделении административных функций. Оставалось закрепить это положение официальным актом, подтверждающим прерогативу и полномочия «агента Археологической комиссии».

³⁶ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 23–24.

³⁷ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 29–30.

³⁸ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 54 и об.

³⁹ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 59.

⁴⁰ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 109 и об.

* Слово написано неразборчиво.

Вскоре Н. Н. Пантусовым по поручению А. Я. Фриде подготовлено Объявление военного губернатора Семиреченской области⁷, в котором говорилось, что «по необходимости для администрации, в видах пользы науке, сосредоточить все сведения по археологии Семиречья в одних руках и для исполнения поручений Императорской Археологической комиссии, единственно имеющей право распоряжаться памятниками древности, избран мною, по соглашению с названной комиссией, агентом старший чиновник особых при мне поручений Н. Н. Пантусов, которому и передаются и мною, и другими лицами как историко-археологические памятники и предметы, так и всякие сведения по местной археологии Семиречья для поступления с ними по указаниям ученых государственных археологических учреждений». Отпечатанное типографским способом Объявление было распространено во всех уездах. Таким образом, дела государственного управления древним наследием Семиреченской области фактически препоручались Н. Н. Пантусову, несмотря на то, что его последующая деятельность в данной сфере официально рассматривалась как неслужебная.

Собирание древностей Семиречья, выявление и учет Н. Н. Пантусовым археологических памятников приобретают с этого момента целенаправленный и систематический характер; разумеется, в той мере, в которой это могло осуществляться без отрыва от службы инициативным и добросовестным чиновником колониальной администрации, образованным и увлеченным археологом-любителем, еще в начале своей карьеры изучившим языки коренных народов Туркестанского края и не нуждавшимся в переводчике ни в казахском ауле, ни в уйгурском селении. Нужно отдать должное организаторскому дарованию Н. Н. Пантусова, сумевшего применить немалые возможности своего служебного положения для централизованного сбора сведений о памятниках Семиреченского края и самих археологических предметов.

В 1885 г., а затем повторно в 1886 г., по инициативе Н. Н. Пантусова от имени военного губернатора сделано специальное предписание уездным начальникам и волостным управителям Семиреченской области: «Приказываю вам собрать почетных и должностных лиц и стариков волости, расспросить хорошенко о всех памятниках древности и составить список этим памятникам

с указанием места нахождения, описанием каждого из них и с присоединением сказания, которое ходит среди народа о каждом из памятников. К таким памятникам, о которых требуются сведения, относятся: древние курганы и крепости, могилы древних народов, изображения на горах и камнях людей и животных, надписей и тамги, каменные статуи человека, старые кладбища с надгробными памятниками, имеющими надписи и тому подобные».¹⁰ Получив предписание, часть уездных начальников ограничивалась формальными ответами, что «во вверенном мне участке курганов и урочищ, обращающих на себя внимание по своему археологическому значению и достойных быть исследованными научнообразно, не имеется»¹¹. Но были и обстоятельные рапорты с приложением списков и кратким описанием памятников, отдельные из которых в последующие годы обследованы самим Н. Н. Пантусовым.

Служебное положение старшего чиновника особых поручений и подтвержденные военным губернатором полномочия позволяли ему нередко принимать самостоятельные решения и отдавать распоряжения должностным лицам относительно сохранения памятников или доставки в Верный случайно обнаруживаемых населением археологических предметов. Однако единственность сложившегося административного механизма опиралась, прежде всего, на авторитет военного губернатора области, от лица которого и осуществлялось управление делами археологии: регулярно рассыпались предписания уездным начальникам, издавались циркуляры, проводился сбор сведений о памятниках, дознание по поводу самовольных раскопок или случайных находок, не представленных незамедлительно «начальству», и т.д. Оперативность управления несравненно повысилась; памятя об истории с Семиреченским алтарем, административные решения принимались теперь быстро, и исполнение их на местах контролировалось запросами «сверху». Так, летом 1886 г., едва было получено известие о разрушении местными жителями несторианских кладбищ в Чуйской долине, из Верного последовало предписание токмакскому уездному начальнику принять меры по охране памятников. В счет выданного Н. Н. Пантусовым аванса для немедленной организации охраны средневековых кладбищ были наняты два «кара-

⁷ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 156.

ульщика» с выплатой каждому 5 руб. в месяц. На рапорте об исполнении предписания и с запросом дополнительного ассигнования на содержание охраны в течение года стоит резолюция А. Я. Фриде: «Н. Н. Пантусову. Выдать деньги по расчету, сколько потребуется до обследования кладбищей* г-ом Пантусовым. Затем в окарауливании их надобности не будет». ⁴¹

Сосредоточив в своих руках переписку по делам археологии в Семиречье, Н. Н. Пантусов пытался составлять своего рода реестры памятников, расположенных на территории отдельных уездов. Так, при обсуждении в 1895 г. плана своей предстоящей научной «экскурсии» он направил в Петербург «Археологические заметки по Капальскому уезду», содержащие краткое описание более 30 местонахождений курганов, городищ, каменных изваяний, надписей и рисунков, сведения о которых получены в разные годы из разных источников.⁴² Примечательно в этом плане заявление Н. А. Аристова в своем капитальном обзоре археологических источников по Семиречью: «Доставивший в Археологическую комиссию все эти находки Н. Н. Пантусов большей частью, если не все, получил их от местных начальств, по поручению областного начальства и на основании известных правил о находимых древностях».⁴³

Важным аспектом деятельности уполномоченного агента Археологической комиссии стал надзор за проведением научных раскопок. Именно в этой сфере прямое содействие археологу-любителю оказал на начальном этапе его старший коллега и компетентный наставник – Николай Александрович Аристов, занимавший пост помощника военного губернатора. Показателен эпизод, связанный с попыткой Ф. В. Пояркова получить разрешение на раскопки несторианского кладбища от Московского археологического общества. Войдя по этому поводу в переписку с Москвой и Петербургом, Н.А. Аристов и Н.Н. Пантусов энергично выступили с разъяснением «г-ну врачу Пояркову» установленного порядка: «о разрешении вам производства раскопок в Семиреченской области Императорская Археологическая комиссия... уведомила меня, что она по Уставу своему вправе разрешить вашему высокоблаго-

родию самостоятельное производство археологических раскопок на казенных и общественных землях Семиреченской области не иначе как по получении от вас подробной программы, по которой можно бы было судить как о ближайшей научной цели задуманных вами разысканий, так и о степени подготовки вашей для подобных работ, т. е. о знакомстве вашем с необходимыми для них приемами и правилами. Право же разрешать подобные археологические раскопки и вообще распоряжаться древностями, находящимися на указанных выше землях, без предварительного соглашения с Императорскою Археологическою комиссией не предоставлено законом ни Московскому археологическому, ни какому-либо другому ученному обществу».⁴⁴

При всей справедливости сказанного фактическая монополизация Н. Н. Пантусовым управления делами археологии в Семиречье далеко не способствовала вовлечению в научные исследования новых энтузиастов, расширению круга помощников на местах, на которых можно было бы опереться в деле изучения и сохранения наследия края. Видимо, нелегко было Н. Н. Пантусову признать в 1900 г., что спустя пятнадцать лет напряженной и самоотверженной работы на дело науки «в городе Верном и в уездных городах Семиреченской области едва ли найдется двадцать человека, интересующихся археологией и способных заняться этим делом».

Серьезным испытанием для созданной Н. Н. Пантусовым модели управления явилась волна кладоискательства и «хищнических» раскопок древних могил, захлестнувшая в конце XIX в. не только Семиреченскую область. Истинные масштабы грабительских раскопок и величина ущерба, нанесенного тогда памятникам Семиречья, в настоящее время только начинают проясняться.⁴⁵ Несомненно, предпринятые в ту пору Н. Н. Пантусовым и областной администрацией меры к сохранению памятников археологии спасли многие из них от разрушения и гибели; но так же верно, что централизованная и громоздкая, как само бюрократическое государство, модель управления культурным наследием не смогла искоренить зло бугровщества, порожденное ус-

* Так в документе.

⁴¹ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37322. Л. 211.

⁴² Научный архив ИИМК РАН. Р. А. Ф. 1. Оп. 1. 1895. № 53. Л. 19-24.

⁴³ Аристов Н.А. Усуны и кыргызы или кара-кыргызы. Бишкек. 2001. С. 49.

⁴⁴ ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 375. Л. 25–26 и об.

⁴⁵ Рогожинский А. Е. Архивы и археология Семиречья XIX века: дела минувших лет и некоторые обстоятельства современного состояния памятников Чу-Илийских гор // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. материалов науч.-практ. конф. Алматы, 2009. С. 97–98.

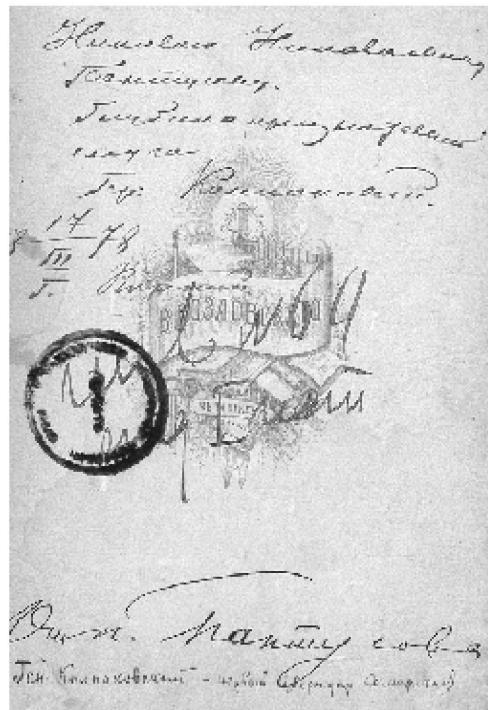

Фото 1, а и б. Фотопортрет Г. А. Колпаковского с дарственным автографом Н. Н. Пантусову. 13.03.1878 г.

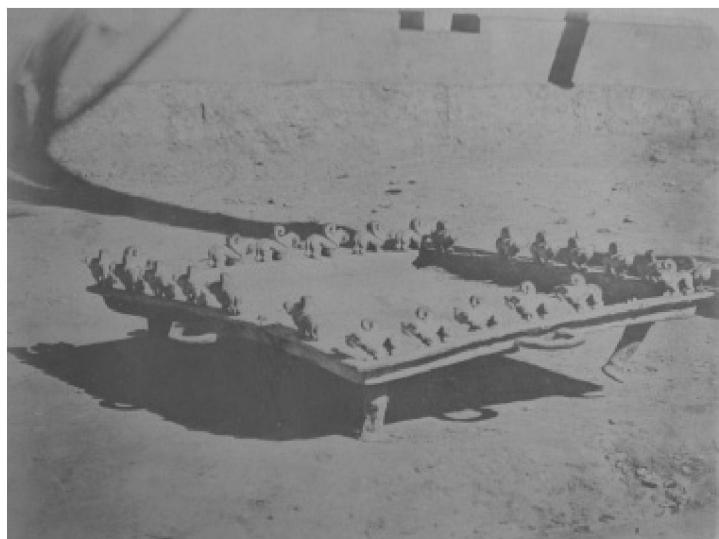

Фото 2. Большой Семиреченский алтарь. Верный, 1884 г. Фотограф Ордэн. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 39328. Л. 14.

ловиями общества, в котором наживы добиваются любой ценой.

ның табылған орнындағы сипатталған күжаты және оның алғашкы фотосуреті алғаш рет жарияланып отыр.

Резюме

Автордың мұрагаттық күжаттармен жұмыс істеуінде анықталған, қазіргі уақытта Санкт-Петербург қаласындағы Мемлекеттік Эрмитажда сақтаулы тұрған, 1884 ж. Верный қаласы маңындағы тарихи ашылыммен байланысты қола құрбан шалатын – Үлкен Жетісулық алтарь зерттелді. Жетісу облысындағы Археологиялық комиссияның штаттан тыс қызметкері Н.Н. Пантусовтың қызметі бастаудың ашылған осы табылған затқа байланысты жаңа күжаттар жарияланды. Жетісулық құрбан шалатын-

Summary

In the article the archival documents revealed by the author connected to a history of opening in 1884 near to Vernyi town are investigated. This find – the unique bronze altar that received the name the Big Semirechensky Altar which is exposing now in the State Hermitage in Saint Petersburg. The new documents revealing connection of this find with the beginning of activity by N.N.Pantusov as of the non-staff employee of the Archeological Commission in Semirechensky area are published. The document with the description of a place of find Semirechensky of an Altar and its first photo are published for the first time.